

Мужун Шу Цин все еще молчала, сидя рядом с Ци Жуюм. Что касается проблемы Цзин Шуй, то выбрать было очень трудно, а для Ци Жуя это вообще стало мучением. Рука Ци Жуя была еще холоднее, чем ветер зимой. Мужун Шу Цин слегка вздохнула и сказала всё ещё размышляющему Ци Жую: «Должна ли я поговорить с Цзин Шуй или ты поговоришь с ней сам?»

В течение очень долгого времени Ци Жуй молчал и, наконец, тихонько пробормотал: «Иди ты!»

Мужун Шу Цин только-только собиралась встать, когда Ци Жуй вдруг сказал: «Нет, всё-таки пойду я». Пришло время хоть раз по-настоящему серьезно поговорить с ней, и он больше не позволит ей сбежать.

Мужун Шу Цин кивнула головой. На этот раз Ци Жую не нужно было, чтобы она говорила слишком много, ему было необходимо спокойствие и время подумать. Легко поднявшись, она больше не беспокоила его. Посмотрев в ту сторону, куда направился Чу Инь, она на мгновение задумалась, а потом двинулась вперед.

Шагая некоторое время, она добралась до самой глубокой части сливового леса. Здесь было намного больше сливовых деревьев, чем снаружи. Красные цветы сливы здесь уже расцвели и выглядели живыми и яркими. Порывы холодного пронизывающего ветра заставили Мужун Шу Цин плотнее запахнуть плащ. Она все время видела огненную фигуру Чу Иня, но он внезапно исчез, и Мужун Шу Цин стала оглядываться по сторонам. Но она ничего не могла разглядеть среди сливовых деревьев, ни единого движения. Пройдя еще немного вперед, Мужун Шу Цин остановилась и посмотрела на небо. Оно приобрело пыльно-серый оттенок, и она не смогла определить ни время, ни верное направление.

«Янь Юй», - тихо позвала Мужун Шу Цин. Ей никто не ответил. Кроме красных цветов сливы, которые мягко покачивались, и холодного ветра, который умышленно задевал ее, здесь и ответить было некому. Мужун Шу Цин прислонилась к высокому дереву, решив, что не сделает дальше ни шагу. В прошлом она смотрела фильм и читала книгу об искусстве пяти элементов [1] в китайской философии и Ба Гуа [2], древнем традиционном методе гадания. Кажется, ей повезло испытать их на себе сегодня, попавшись в ловушку массива пяти элементов Чу Иня.

[1] 五行 (wǔxíng) - пять стихий, пять элементов, пять превращений (в космогонии: земля, дерево, металл, огонь, вода);

[2] 八卦 (bāguà) - восемь триграмм.

Она не знала, где находится Янь Юй, и ей на ум не пришло никакого способа вырваться из этой западни. Если книга, которую она читала раньше, не лгала ей, она парила в пределах небольшого радиуса действия, так что на самом деле находилась в какой-то отвлекающей ловушке. Если она не отыщет верный способ выбраться, то просто будет топтаться на одном месте. Для нее будет лучше поберечь немного энергии и подумать о том, в каком направлении идти. Поэтому Мужун Шу Цин просто уселась у сливового дерева, оперевшись на его широкий

ствол. Она слегка покачивала ветку сливы, которая была у нее в руке, и закрыла глаза, прислушиваясь к окружающим звукам.

Был слышен лишь шелест листьев, атмосфера была такой естественной и спокойной, что заставила Мужун Шу Цин чувствовать себя немного сонной. Когда она уже почти заснула, откуда-то издали донесся слабый и низкий звук гучжэна [3]. Мужун Шу Цин открыла глаза, слегка улыбнулась и встала. Кажется, мастер надеялся увидеть ее. После того, как она расправила складки помятого плаща, она двинулась в направлении мелодичных звуков.

[3] 箏 (gǔzhēng) - древний щипковый музыкальный инструмент.

Путь до необходимого места занял немного времени, и вот глазам Мужун Шу Цин предстала небольшая деревянная хижина, окруженная деревянным забором, построенным из тонких бревен. Чу Инь сидел рядом с низким столиком перед внутренним двором, в его руке покоился музыкальный инструмент гучжэн. Он, казалось, нечаянно ударил по струнам, это была не законченная мелодия, но звук всё равно мог поразить сердечные струны случайного прохожего. На низком столике стоял чайник с зеленым чаем, несколько нефритовых чашек и больше ничего.

Мужун Шу Цин вышла из леса. В маленьком дворике росли только сливовые деревья, кроме простоты, никто не мог использовать другое слово, чтобы описать его. Там была одна комната, один стол, один гучжэн, один человек, вот и всё. Даже входная дверь была абсолютно бесхитростной, и на ней не было написано названия двора. Во дворе не было каменной скамьи, бамбуковых стульев и прочих предметов интерьера. Кроме низких столиков, там было несколько мягких соломенных подушек. Небрежно взяв одну из них, Мужун Шу Цин устроилась рядом с Чу Инем.

«Вы уже решили?» - Чу Инь убрал деревянный гучжэн, и на его лице, которое всегда было холодным, появилась слабая улыбка. Энергия этой женщины не позволяла ему игнорировать ее, как только она вошла в область фантазий, она умудрилась не потерять голову от страха. Она просто сидела в сливовом лесу и даже могла улыбаться. Всегда ли она планировала заранее, что будет спокойной и собранной, как сейчас, или действовала опрометчиво, надеясь на слепой случай? Несмотря ни на что, ей это удалось. Ему совсем не хотелось расставаться с ее легкой и теплой улыбкой, а значит, он не мог позволить ей умереть.

Мужун Шу Цин покачала головой и ответила: «Я уже сказала, что это решение зависит не от меня».

Наливая себе чашку чая, Чу Инь изобразил легкую улыбку и своим отчетливым ленивым голосом неторопливо молвил: «Тогда зачем ты последовала за мной?»

Мужун Шу Цин не сразу ответила ему, решив для начала взять чашку чая Цюань Шэнь, которая уже стояла перед ней. Свежий зеленый чай был горячим, от него исходил пар. Аромат

чая был насыщенным и манящим, и она почувствовала, что чай Цюань Шэнь уже начал остывать, соприкасаясь с кожей ее руки. Мужун Шу Цин спокойно выпила его, затем медленно ответила: «Я хочу задать вам один вопрос».

Чу Инь с улыбкой поднял брови и подождал, пока она продолжит тему.

Мужун Шу Цин посмотрела прямо в холодные глубокие глаза и спросила: «Вам действительно нравится наблюдать за тем, как борется человечество?»

Чу Инь не ожидал, что Мужун Шу Цин задаст подобный вопрос прямо в лоб. Ее напористость и воображение заставили его сердце сжаться от шока. Справившись с удивлением, Чу Инь громко смеялся, нисколько не уклоняясь от темы, он ответил: «Да, это верно. Как думаешь, это очень интересно?» С одной стороны, эти так называемые праведные служители шумно спорили о благородстве характера и чувстве приличия, а с другой стороны злобные и безжалостные люди не гнушались совершать грязные и жестокие поступки. Для них это было своеобразным фундаментальным убеждением, даже если они не знали, что такое борьба.

Мужун Шу Цин слегка опустила голову, не желая видеть глаза Чу Иня, которые уже потеряли свое спокойствие в этот момент и приобрели некий демонический блеск. Взяв холодный цветок сливы, который был у нее в руке, и положив его на стол, Мужун Шу Цин налила Чу Иню чашку чая. Она мягко подтолкнула чашу к нему, и нежным голосом сказала: «Результат борьбы не более чем то, что добра становится чуточку больше, а зла – в разы больше, так что о чьем-то благополучии вообще не стоит беспокоиться».

Ее низкий вздох был очень легким, в нем не было презрения, желающего опровергнуть мнение Чу Иня о человечестве, она также не пыталась проповедовать человеколюбие. Пара простых предложений сделали эти так называемые человеческие 'интересы' пресными и бестактными.

- Как тебя зовут? - Чу Иню вдруг захотелось узнать, кто эта необычная женщина.

- Мужун Шу Цин.

- Ты Мужун Шу Цин? - услышав, что она назвала Ци Жую старшим братом, он догадался, что она член семьи Ци. Но он не ожидал, что она окажется главой семьи Мужун, неудивительно, что она так выделялась из толпы. И нет ничего странного в том, что было много людей, которые хотели, чтобы она умерла, а также много людей, которые хотели, чтобы она жила.

Казалось, что ее «репутация возросла», и Мужун Шу Цин со смехом ответила: «Я не знала, что я настолько знаменита!»

«Но твоя жизнь очень ценна», - Чу Инь слегка постукивал пальцами по столешнице. Казалось, что всё вокруг ветки цветущей сливы отреагировало на эту атмосферу транса шелестом и дрожанием лепестков.

Разум Мужун Шу Цин не был потревожен убийственной аурой, которая исходила от Чу Иня. Если бы Чу Инь действительно хотел убить ее, это было бы так же просто, как прихлопнуть муравья. Бояться тоже было бесполезно, поэтому у нее не было другого выбора, кроме как пожать плечами, и, будто насмехаясь над собой, сказать: «Для меня это большая честь».

Ее легкая улыбка со слегка сдвинутыми бровями заставила Чу Иня покачать головой и мягко рассмеяться. Скрытое течение убийственного намерения, мелькнувшее было мгновение назад, теперь исчезло без следа. Чу Инь вдруг предложил: «Ты довольно интересна и умна. Если ты готова остаться рядом со мной, я могу передать тебе свои знания о медицине, а также могу гарантировать, что ты проживешь долгую жизнь, пока тебе не исполнится сто лет».

Эта идея была неплохой. Если она останется здесь, его дни, несомненно, перестанут быть скучными, к тому же, с ее сообразительностью ему будет нетрудно обучить ее медицинским навыкам. Ему показалось, что она немного разбирается в технике «пересадки кожи», и возможно, сможет подать ему парочку идей. Чу Иня все больше и больше поглощала мысль взять ее в ученицы.

Столкнувшись с внезапным порывом Чу Иня, Мужун Шу Цин оставалось лишь беспомощно избегать его пылающего взгляда, и она не ответила прямо на его вопрос. Слегка встряхнув половину оставшегося чая Цюань Шэнь, который был у нее в руке, она, даже не взглянув на эту простую деревянную комнату, сказала с тревожной и легкой улыбкой: «У вас достаточно чая Цюань Шэнь? Боюсь, его не хватит, если к нам присоединится еще один человек».

Стоило Мужун Шу Цин закончить фразу, как Чу Инь начал громко смеяться. После небольшой заминки он сказал своим чистым голосом, глядя во внутреннюю комнату: «Мо Цань, твои боевые искусства пропали даром».

Мо Цань? Как это мог быть он?! Она только чувствовала, что в комнате был еще один человек, и, чтобы избежать предложения Чу Иня, она была вынуждена упомянуть об этом. Было ли это совпадением, что он появился во дворе Шуан Тянь Би прошлой ночью, или дело было в Чу Ине? Но кто бы мог подумать, что они так скоро встретятся вновь!

Он был все таким же, как и раньше, с исходящей от его тела холодной аурой и ледяными глазами. Очевидно, что была середина дня, но он принес в комнату холодный ночной воздух. Даже этот холодный ветер в начале зимы не мог сравниться с его ледяным выражением лица. Мо Цань вышел из внутренней комнаты, подошел прямо к низкому столику, взял чашку чая и сделал большой глоток.

- Мо Цань, ты зря тратишь мой хороший чай, - Чу Инь прищелкнул языком и покачал головой. На его холодном лице появилось совершенно непонятное выражение, но даже после того, как он это сказал, это не помешало Мо Цаню допить чай.

Мужун Шу Цин сидела напротив них и, глядя на двух людей перед собой, мысленно рассмеялась, вспомнив одну фразу: «Птицы одного полета слетаются вместе». Эти два человека были холодны как лед и безжалостны, не испытывая никаких лишних чувств. Хотя

они и не были абсолютно одинаковыми, но каждый из них был безучастен и не уступал противнику. Будучи друзьями, их можно было считать идеальной парой!

<http://tl.rulate.ru/book/11038/1590743>